

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА-СЕГЕНЬ

КНИГА

РАССКАЗ

На самом деле якута звали не Пьером, а Петром Досифеевым, а якутски — Бэргэном, что в переводе означает “меткий”. Бэргэн не обижался, когда его окликали французским именем. Пьером его называли, конечно же, не за внешнюю схожесть с французом, а из-за того, что он был неразлучен с третьим томом “Войны и мира”. Бэргэн очень любил читать. Как только выпадала свободная минута, доставал из полевого мешка свой самый ценный груз, открывал его наугад и принимался читать вслух. Читал он серьёзным голосом, но это было так смешно и несуразно, что его однополчане покатывались со смеху.

— Чего смеётесь? Великий вещь! — отрывисто говорил он и продолжал чтение.

Когда Бэргэн читал от имени Пьера, его голос становился не таким резким, как обычно.

— Хороший человек! Тоже якут, наверное, — закрывая книгу, каждый раз говорил Бэргэн.

Книгу он берёт. Если кто-то просил дать её почитать, якут отвечал:

— Потеряешь вдруг. Сам почитаю тебе. Садись, слушать будешь. — И он открывал книгу, принимал важный вид и неспешно читал: — “Пьер

РОМАНОВА-СЕГЕНЬ Наталья Владимировна родилась в Тюменской области, окончила Уральский педагогический университет по специальности “социальный работник”. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах “Смена”, “Юность”, “Литературная учеба”, “Наш современник”, “Простор”, “Север” и многих других. Лауреат премий “Русский позитив” Российского Фонда мира, “Патриот России” Федерального агентства по печати, имени Л. М. Леонова журнала “Наш современник”. Автор книг “Гефсиманский сад”, “Рецепт хорошего настроения”, “Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Земная и небесная”, “Великий стряпчий”.

оглядывался на первый дым, который он оставил округлым плотным мячиком, и уже на месте его были шары дыма, тянущегося в сторону, и пуф... (с остановкой) пуф-пуф — зарождались ещё три, ещё четыре, и на каждый, с теми же расстановками, бум... бум-бум-бум — отвечали красивые, твёрдые, верные звуки...

Солдаты гоготали во весь голос, особенно, когда якут сказал “не по-нашему, не по-русски” и когда он произносил “пуф-пуф” и “бум-бум-бум”, а тяжеловатый в движениях Бэргэн медленно поднимал руку со сжатым кулаком и грозил им.

— Пьер, говорят, что вы, якуты, совсем не отличаете цвета друг от друга, — вдруг ни с того ни с сего спросил рядовой Уланов.

— Какие? — сощурился якут.

— Синий, голубой, зелёный. У вас даже и названий-то таких нет.

— Что от меня хочешь?

— Ты вправду не видишь, что небо и трава разного цвета? — подивился солдат. — Вы все дальтоники что ли?

— Плохой слово. Чего дразнишься? Отстань, — насупился якут, — книжку читать не буду.

Было не ясно, то ли он и впрямь не различает эти цвета, то ли обиделся, что обозвали непонятным словом.

— Пьеро, а где ты взял книгу эту? Из юрты привёз? — не унимался Уланов и тут же получил увесистый подзатыльник от старшины Ермакова.

Якут молчал.

— Не обращай внимания на дурака, — Ермаков кивнул в сторону притихшего Уланова, — а Толстого мы любим не меньше твоего.

— Э-э! — встрял рядовой Пятов. — Кто это его, безбожника, любит? Его этой... афеме предали. Против Бога он был. А ты — любим!

— Много ты понимаешь! — закипел Ермаков. — При чём тут религия? Мне хоть десять раз его анафеме предали, а вот “Войну и мир” кто бы так смог написать? Кто? Якута вон даже не оторвать.

— Аи-тоён не любит эту книгу? — Пьер-Бэргэн часто-часто моргал ресницами.

— Это ещё кто? — не расслышал Пятов.

— Бог! Самый главный! Он землю придумал.

— Не Бог же его анафеме предал, — буркнул Ермаков.

— Значит, Аи-тоён любит книгу? — не успокаивался якут. — Хочет, чтобы я книгу читал?

— Хочет, хочет, — проворчал Ермаков, — а ты, якут, сам-то чего хочешь?

— Я? — заулыбался Бэргэн. — Хочу ничего не делать, пить кумыс, есть кобылье мясо и стать толстым.

— И написать “Войну и мир”! — сказал Пятов под дружный смех однополчан.

— Опять смеются! — покачал головой якут.

— А вот возьмёт и напишет! — вступился за Бэргэна Ермаков. — Там была одна война, теперь другая. Кто-то же должен о нас написать.

— Напишут, — горько вздохнул Пятов, — правду бы только писали.

Книгу якут нашёл в Новгороде. Город тогда ещё не был занят немцами. Тёплым августовским вечером рядовой Досифеев бродил по Антониевому монастырю, расположенному на правом берегу Волхова. Когда-то здесь находилась Духовная семинария, а затем в бывших монастырских постройках обосновался учительский институт. В то время здесь было шумно, весело. Сегодняшним вечером, несмотря на войну, в человека вторгалась тишина. Бэргэн слушал её сердцем и никак не мог поверить, что музыка тишины, разливавшаяся по его телу, слишком временна. Скоро снова начнутся стрельба, грохот, будет опять шумно, но по-другому. Этот шум весельем не называется. А пока только шумит полусвежая листва, ветер взлохмачивает гривы деревьев и распускает веером страницы лежащих на земле журналов. Якут склонился над журналами и среди них увидел книгу. На бледно-зелёном фо-

не обложки золотом горели тиснёные буквы в синей рамке с вензелями по углам.

— Лев Николаевич Толстой, — прочитал Бэргэн. — “Война и мир”.

— Ух, как!

— Сейчас вот война, — подумал он, — а здесь как будто и нет войны, покой. Мир, получается. А на самом деле есть война. Выходит, война и мир”.

Досифеев взял книгу. Увесистый томик был чуть больше его ладони. На задней стороне обложки значилась цена — 3 руб. 75 коп. Бэргэн снова посмотрел на фасад книги, где под заглавием значился год издания — 1939. “Мало успела в мирное время пожить”. — Пётр провёл ладонью по книге, словно глядя маленького ребенка, и бережно открыл. Текст предваряла картинка со скачущими всадниками. Пётр, рассмотрев её, принялся искать другие рисунки, но в книге их было всего три, только перед частями. Досифеев нашёл в конце тома оглавление, ознакомился с ним. Увидел вклеенную бумажечку с опечатками. И, полистав книгу, открывая её в разных местах, сунул за пазуху.

С этого дня с книгой Толстого якут не расставался.

— Пьер, когда Толстого прочитаешь, кого будешь следующего читать, Маркса? — подтрунивали над якутом.

— Я буду забивать свой священный мозг ерундой? — искренне удивлялся якут.

Его чтение приходилось и к месту, и не к месту. Иной раз Досифеева гнали, стоило ему лишь открыть том.

— Мы от своей войны устали, — говорил кое-кто из бойцов на привале, — а он нам ещё одну подсовывает.

— Так та тоже наша была, наших отцов и дедов, — заступался Пётр за книгу.

— Читай, читай, — поддерживало его большинство солдат.

И якут читал:

— “Один раненый старый солдат с подвязанной рукой, шедший за телегой, взялся за неё здоровой рукой и оглянулся на Пьера.

— Что ж, землячок, тут положат нас, что ль? Али до Москвы?”

А в одном из боёв рядовой Досифеев и сам получил ранение. Пуля угодила якуту в живот, его отправили в госпиталь. Пролежал долго, рана никак не хотела заживать. В госпитале Пётр узнал, что его полк расформировали, так как от полка мало что осталось. Уцелели немногие. Погиб старшина Ермаков, погибли рядовые Пятов и Уланов, погибли другие боевые товарищи. В те минуты, когда горечь захлестывала якута, он открывал книгу и сквозь набегавшие слёзы, затуманивавшие взор, читал “Войну и мир”: “Та странная мысль, что из числа тех тысяч людей живых, здоровых, молодых и старых, которые с весёлым удивлением смотрели на его шляпу, было, наверное, двадцать тысяч обреченных на раны и смерть (может быть, те самые, которых он видел), — поразила Пьера”.

Накануне выписки Бэргэну сообщили, что из Сибири на Северо-Западный фронт направлены несколько бригад, наполовину сформированных из охотников-якутов. Рядовой Досифеев написал командованию просьбу включить его в состав того корпуса, в котором будут выполнять боевые задания земляки. Возвращать якута после ранения было некуда, поэтому его просьбу удовлетворили и направили в 19-ю отдельную лыжную бригаду 12-го гвардейского стрелкового корпуса.

Бригада получилась интернациональной — полторы тысячи русских, шестьсот якутов, двести пятьдесят украинцев, сто татар, семьдесят белорусов и около двухсот человек других национальностей. Тем не менее, это была по существу воинская часть, сформированная в основном из посланцев Якутской республики.

19-я лыжная бригада прибыла на Северо-Западный фронт 15 февраля.

— Сегодня праздник, — весело сказал Пётр, обнимаясь с земляками и с наслаждением говоря по-якутски, — Сретеньё Господне.

— Что значит Сретеньё?

- Встреча. Вот и мы встретились.
- Ты Бога-то с нами не равняй.
- Не равняю. У него своя была встреча, у нас своя.

Рота, к которой был приписан рядовой Досифеев, находилась в подчинении капитана Подпорова Тимофея Ивановича, человека с дерзким лицом, железным взглядом и несгибаемой волей. Белокурый, статный Подпоров был внешне симпатичен, но глаза чуть навывкате придавали ему не то рыбий, не то жабий вид. И когда он злился, то смотрел не мигая, выкатывая и без того выпученные глаза. И в то же время в этих глазах сквозили такие решимость и отвага, что взгляд Подпорова заставлял выпрямиться и солдата, и старшего по званию. В редкие мгновения Тимофея Ивановича пронзала беспросветная тоска, а именно тогда, когда он писал домой письма. У него в тылу находилась жена с двойняшками, родившимися накануне войны, в мае. Подпоров был кадровым военным. Как и других, его мотало по всему Советскому Союзу. Ярославль, Тула, Харьков. За полгода до начала войны он попал в лагеря, и жена родила детей без него. За что его туда определили? А поменьше бы языком молот не при тех. Личная бдительность всё же должна присутствовать. А то давай говорить, что война скоро начнётся. Чутьё, видите ли, у него на этот счёт. Хорошо ещё не расстреляли за такие речи, за подрыв авторитета армии и всё такое. Его выпустили через год после начала войны и дали в командование штрафную роту. Капитан Подпоров доблестно выполнял свой долг пред Родиной и к началу 43-го командовал уже не штрафниками. А дома он так и не побывал и своих почти двухлетних детей ещё ни разу не видел, только на фотографиях. Сына назвали в честь Подпорова Тимошей, а дочь, как и жену, — Алечкой.

Подпоров был внутренне раздосадован, что в его роте почти одни якуты. Трудное дело. Нет, против якутов он ничего не имел. Трудность состояла в том, что многие не говорили по-русски. А капитан не говорил по-якутски. И времени нет научиться кумекать на этом языке. Якуты прибыли вчера, а через несколько дней идти на боевое задание. Будут ли они хорошими воинами, не зная языка?.. Утешает то, что хоть кто-то среди них всё же понимает русскую речь. Досифеев, например.

Капитан взглянул на Петра. Сидит, читает. Словно не на войне, а в библиотеке, — подумалось Подпорову.

— Рядовой Досифеев.

Тот вскочил, натянулся, словно тетива в луке.

— Что читаете? Позвольте взглянуть.

Петр протянул ротному книгу.

— Та-ак. “Война и мир”. Откуда русский хорошо знаете?

— Учил.

— Сам?

— Сам учил. В школе учил. Мама, отец знают русский. Хороший знание русского языка может привести к возвышению якутского народа, так нам говорят.

— О как! — подивился сознательности якута Подпоров, отдавая книгу.

В своей роте Бэргэна сразу уважали. Давно на фронте. Даже ранение есть. Он был среди бойцов гидом по тропам войны. Рассказывал про боевых друзей, про то, как воевали. Его слушали, словно он пришёл в их мир из другого мира — из мира войны. К тому же Бэргэн в оставшиеся дни пытался хоть немного научить русскому своих собратьев. И постоянно читал. Вслух.

“Для чего было дано Бородинское сражение? Ни для французов, ни для русских оно не имело ни малейшего смысла. Результатом ближайшим было и должно было быть — для русских то, что мы приблизились к гибели Москвы (чего мы боялись больше всего в мире), а для французов то, что они приблизились к гибели всей армии (чего они тоже боялись больше всего в мире). Результат этот был тогда же совершенно очевиден, а между тем Наполеон дал, а Кутузов принял это сражение”.

Некоторым бойцам выдали снайперские винтовки. Объяснили, как стрелять. Дали всем по три патрона. Каково было удивление, когда все до одной мишени в самые сердцевинки поразили именно якуты.

— Так они же охотники, — бурчали те, кто промахнулся.

Якуты отличались от всех своей наблюдательностью.

— Какая им разница, кто зверь — фашист или волк, — шутили над ними.

Приближалось 23 февраля. Командование 27-й армии Северо-Западного фронта готовило к празднику наступление на Старую Руссу. Настроение в ротах было приподнятое. Ждали, когда же начнётся это наступление.

— “Что ж, мы на зимние квартиры, не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штыки?” — весьма грамотный якут Сёмка Яровой готов был хоть сейчас пуститься в бой.

— Не торопи события, поживи ещё, — отвечали ему, а мысли всех только и были о наступлении.

— Ждать и догонять хуже некуда, — вздыхали солдаты.

За эти несколько дней Бэргэн успел со многими сойтись. Но больше всех подружился с рядовым Андреем Бусыгиным. Несмотря на то, что якуты приняли православие и носили христианские имена и фамилии, они сохраняли также и свои традиционные имена. Андрея Бусыгина по-якутски звали Эркином, что означает “честный”. Эркин был безграмотен. Недавно ему исполнилось восемнадцать, вдвое моложе тридцатишестилетнего Петра Досифеева. С виду крепкий, но в глазах сидели детская наивность и лобопытство, словно не на войну пришёл, а поиграться в войну. А вот молодцовая прыть, жажда охоты не сидели в нём, а настоятельно просились наружу.

— Родился бы чуть попозже, — сказал Бэргэн, — дома был. Мы бы и без тебя управились.

— Якут сам решает, когда ему родиться, — хмурил брови Эркин.

— Прыткий ты больно, горячий.

— Холодно, вот и прыгать приходится.

Эркин любил слушать, когда Бэргэн читал ему русскую книгу. Он почти ничего не понимал, но его завораживало само чтение.

— Почему я плохо знаю русский? — расстраивался он.

— Влучишь ещё. Жизнь длинная, а ты только вчера на свет появился.

— Почитай ещё, — просил Эркин.

К ним подсаживался Сёмка Яровой, якут с русыми волосами.

“Приказание на завтрашнее сражение были отданы и получены им. Делать ему было больше нечего. Но мысли, самые простые, ясные и потому страшные мысли не оставляли его в покое. Он знал, что завтрашнее сражение должно было быть самое страшное из всех тех, в которых он участвовал, и возможность смерти в первый раз в его жизни, без всякого отношения к житейскому, без соображений о том, как она подействует на других, а только по отношению к нему самому, к его душе, с живостью, почти с достоверностью, просто и ужасно, представилась ему”.

— Про что написано? О чём читаешь? — перебил Бусыгин.

— О чём, о чём. О нас. Не слышишь, что ли? — ответил Сёмка.

Иногда Андрей просил книгу у Петра, но тот хмурился и не давал.

— Подержать только, — просил тот.

Конечно же, он её открывал и с умным видом пытался прочитать хотя бы строчку.

— Книгу не так держишь! Переверни, — усмеялся Досифеев, — грамотей!

Февраль славился своими метелями. Без устали сутки напролёт стонала над окрестностью вьюга. А этой ночью она так нестерпимо выла, словно собака перед покойником, да не перед одним... Поэтому Подпоров долго не мог уснуть, а когда уснул, ему приснилось, будто он дома, а дочь и сын не зовут его папой, а дядей и с таким зазнайством к нему относятся. Тимофей Иванович проснулся. Доведётся ли увидеть детишек-то? Закурил и сел писать письмо жене.

“Здравствуй, родная жена. Шлю горячий красноармейский привет и нежно целую тебя и наших деток. Как вы там? Только что видел сон про них. Не желали знаться со мной. Горюю, что ни разу их не видел, но думаю о них часто. Ничего, выгоним фашистов с нашей земли, я вернусь с фронта

и будем жить все вместе весело и счастливо. Но пока вы так от меня далеко... а до смерти четыре шага”.

Он преувеличил. До смерти ему оставалось тридцать километров.

На следующий день, двадцать второго метель стихла. А в ночь на двадцать третье февраля 1943 года бойцы нескольких отдельных лыжных бригад, в том числе и 19-й, костяк которой составляли призывники из Якутии, вышли на задание. Перед ними была поставлена боевая задача: форсировать озеро Ильмень и овладеть его южным побережьем. Пользуясь внезапностью удара, лыжный десант должен был взять под контроль дорогу Старая Русса—Шимск, перерезать коммуникации, ведущие на Шимск, и тем самым обеспечить успех главной группировке 27-й армии, которая готовила наступление на Старую Руссу с севера и юго-запада. Идти предстояло тридцать километров по льду Ильменского озера от острова Маяк Железный до берега. В полночь бригады прибыли к Железному Маяку. Он являлся пунктом сосредоточения.

— Средняя полоса России и маяк. Странно как-то, — Сёмка Яровой недоверчиво разглядывал высокую конструкцию.

— Не смотри, что лёд кругом. Маяк-то на острове стоит, — ответил Подпоров.

— Понятно, — протянул якут, — чтоб корабли об остров не бились.

— С Богом, — тихо произнёс Досифеев, выкатываясь на ильменский лёд.

Лыжники шли в белых маскировочных халатах, которые надёжно укрывали их в крошечной тьме. Советские бойцы несли на себе автоматы, артиллерийские орудия и снаряды.

— Мы привыкли к снегу. Выросли на лыжах, — храбрились якуты, двигаясь по замершему озеру.

— Большой этот Ильмень, — подивился кто-то.

— Длина сорок пять километров, ширина тридцать пять, глубина десять, — отчеканил молоденький боец по фамилии Бояров.

— Почём знаешь?

— Я с этих мест.

— Хорошая будет могила, просторная, — сказал кто-то в темноте.

— Отставить упаднические настроения! — грозно скомандовал капитан Подпоров.

— Лед-то тонкий, однако, — заметил рядовой Бусыгин, но его слова ротному не перевели.

С той минуты бойцы молча разрезали темноту. Так получилось, что 19-я отделилась от остальных частей корпуса. Бездорожье, глухая ночь, ориентир только по компасу....

К пяти утра был замечен высокий берег.

— Это Ильменский глинт, — сказал Бояров.

— Какая же это глина? — удивился Пётр Досифеев.

— Обрыв значит.

— Гэта па-якому? — спросил Смолич, белорус с пышными усами.

— Чего-о? — не понял Бояров.

— По-каковски это, тебя спрашивают, — вступил в разговор ефрейтор Бабич.

— По-датски.

Однако Бабичу послышалось “по-бабски”, и он страшно удивился.

Идти до глинта предстояло километра три. На высоком берегу стояли несколько деревень, занятых немцами. Из них ближе всех — деревня Ретлё. Первыми дойдя до берега, второй батальон и часть третьего бросились на деревню. После короткого боя немцы, ошеломленные внезапностью, отступили.

В том коротком бою погиб Сёмка Яровой, гранатой взорвав дзот фашистов. Своей гибелью якут расчистил дорогу наступающей роте.

Первый батальон и большая часть третьего пытались атаковать деревню Устрека и Заднее поле. Эти населённые пункты, занятые противником, представляли собой отдельные опорные укрепления с целым рядом дзотов и хорошими наблюдательными пунктами.

Бойцы не успели захватить деревни до рассвета. Враг оказал жесточайшее сопротивление. Фактор внезапности нападения был упущен... Противник прижал наших массированным артиллерийским огнём ко льду. Немцы удобно расположились на высоком берегу Ильменя, и бойцы на открытом ледяном просторстве были у них, как на ладони. Одновременно шла бомбёжка с воздуха.

Бойцы же 2-го батальона и части 3-го, развивая наступление из деревни Ретлё, отбили у немцев деревни Горка и Конёчек. Воины дрались с беспримерной отвагой, вступая в рукопашные схватки с противником. Никто и ничто не могло остановить их.

Подвиг якута Ярового повторил белорус Смолич, бросившись с гранатой на дзот.

Завладев Горкой и Конёчком, бойцы кинулись нашим на подмогу, предприняв атаку с фланга на немецкие позиции в деревне Устрека. Однако эта попытка была сорвана немецкой контратакой.

Во второй половине дня немцы, подтянув резервы и теперь значительно превосходя советских бойцов в численности, предприняли новую атаку. При поддержке авиации в бой вступили артиллерия и минометы. Немцам удалось занять освобождённые деревни и оттеснить советских бойцов к озеру. Остатки 2-го и 3-го батальонов, истратившие боеприпасы, оказались прижаты к берегу.

Немецкие самолеты бомбили наших. Одновременно в небе кружили по двадцать пять — тридцать бомбардировщиков. Фашисты сбросили свыше десяти тысяч авиабомб. Белая территория превращалась в кровавую равнину.

Людам негде было укрыться на голом льду. Погибали и от пуль, и от осколков, и под ломающимся льдом тонули в водах Ильменя. Был убит ротный Подпоров, мечта которого увидеть своих детей так и осталась мечтой. Погиб на своей малой родине молодой, неженатый Бояров. Бабича проглотила воды озера, и могилой ему стало ильменское дно. Потери оказались огромные, но советские воины держались стойко.

Боец 2-го батальона рядовой Пётр Досифеев умирал на “огненном” льду. К нему, уклоняясь от пуль, подобрался Андрей Бусыгин. Белый маскировочный халат Петра на животе был окрашен в кровавый цвет.

— Всё в живот мне пули норовят, — с трудом сказал якут, — русские говорят, не жалеть живота своего. Правильно говорят.

Он говорил отрывисто.

— Я умираю.

— Бэргэн, живи, живи, Бэргэн! — Бусыгин, видя столько смертей за сегодняшний день, не допускал мысли, что Досифеев может умереть.

— Послушай меня. Не перебивай. Навести моих, — умирающий якут назвал место, — скажи, где погиб.

Силы покидали его. Он еле выговаривал слова.

— Подними.

Бусыгин выполнил просьбу. Бэргэн застонал от боли.

— На спине у меня под халатом книга. Достань.

Кругом свистели пули, рвались снаряды. Бусыгин не расслышал.

— Книга. Достань. На спине.

Бусыгин медлил.

— Ну!

Андрей вспорол Петру ножом маскхалат на спине и вынул книгу.

— “Война и мир”. Тебе, Эркин. Читай. А теперь уходи.

Бусыгин снова медлил.

— Иди!

Эркин начал отползать.

— Эркин! — вдруг громко позвал Бусыгина умирающий якут.

Бусыгин приподнялся.

— Непотухающего огня тебе, — это были последние слова рядового Петра Досифеева.

Нет, Пётр Досифеев перед смертью не пожелал рядовому Андрею Бусыгину долгой войны. Бэргэн завещал Эркину другое. Ведь пожелать таёжному человеку непотухающего огня значит пожелать долго жить.

Бой шёл целый день, к вечеру лёд оказался усыпан павшими. В ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое февраля остатки войск отошли к Железному Маяку. А двадцать пятого перед уцелевшими была поставлена новая задача — овладеть деревней Взад Старорусского района. Эта деревня казалась крепким орешком, до зубов вооружённые гитлеровцы укрепили её — водная преграда, широкие минные поля, проволочные заграждения с током делали место неприступным. Однако бойцы 19-й отдельной лыжной бригады овладели сначала соседними деревнями, а затем, окружив с юго-запада Взад, заняли и его. Но какой ценой! Бригада понесла невосполнимые потери. Старая Русса ещё год оставалась в лапах фашистов и была освобождена только в феврале 1944-го. В том памятном бою при взятии деревни Взад особо отличился рядовой Андрей Бусыгин, уложив дюжину фашистов.

— Разбудили в парне зверя, — говорили о нём солдаты.

Эркин мстил за Бэргэна, за якутов, за всех тех, кому никогда уже не суждено прийти в свой дом и обнять родных.

Через две недели остатки бригады расформировали. Андрей Бусыгин вместе с горсткой оставшихся бойцов влился в 150-ю стрелковую дивизию. Дивизия дошла до Берлина. Ей выпала честь штурмовать рейхстаг.

Бусыгин был хорошим солдатом. Выносливым и храбрым. К концу войны он выучил русский язык. Не так чтобы уж совсем хорошо знал, но всё же объясняться мог, а кроме того понемногу овладевал грамотой. С ним всё время была книга. Та самая, которую перед смертью ему отдал друг. Поначалу, когда Эркин лишь мечтал о том, когда он прочтёт первую страницу, то просил боевых товарищей почитать книгу. На удивление, никто не отказывал. Солдаты садились кружком и слушали, о чём поведал им Лев Николаевич Толстой из прошлого века.

“Сражение выиграет тот, кто твёрдо решил его выиграть... Для меня на завтра вот что: стотысячное русское и стотысячное французское войско сошлись драться, и факт в том, что эти двести тысяч дерутся, и кто будет злей драться и себя меньше жалеть, тот победит. И хочешь, я тебе скажу, что, что бы там ни было, что бы ни путали там вверх, мы выиграем сражение завтра. Завтра, что бы там ни было, мы выиграем сражение!”

Несмотря на войну, книга выглядела образцово. Только на обложке в слове “война” осыпалась позолота, и теперь это тяжелое слово не переливалось в лучах солнца. Его буквы мрачного болотного цвета выглядели блеклыми и состарившимися.

Эркин помнил ту минуту, когда он смог прочитать первый абзац книги “Война и мир”: “С конца 1811-го года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы, и в 1812 году силы эти — миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию) двинулись с Запада на Восток, к границам России...”

Домой Эркин пришёл в орденах и медалях. Все награды достались потом и кровью, но дорожке всех старшине Бусыгину была самая первая — “За отвагу”, полученная в Ледовом побоище на Ильменских просторах.

Первым делом он навестил родственников Петра Досифеева. Они знали о том, что Бэргэн погиб — на имя матери пришла похоронка: “Здравствуйте, неизвестная Мария Никитична. Сообщаем вам, что ваш сын Пётр Васильевич погиб на озере Ильмень в сражении с немецкими оккупантами 23 февраля 1943 года. Он упорно сражался за освобождение оккупированного района с фашистскими гадинами, немецкими изуверами, которые напали на нашу страну”. Далее сообщалось, где похоронен рядовой Досифеев. Эркин рассказал матери и жене Бэргэна, о том, как доблестно сражался сын якутского народа, о его последних минутах. Обе женщины, внимательно слушая, сначала сидели с каменными лицами, а потом в голос разрыдались. У Бэргэна осталось четверо детей — два сына и две дочери. А старший сын и сам уже три дня назад стал отцом. Своего сына назвал Петром. Петром Досифеевым. Традиционное якутское имя мальчику дали тоже в честь деда — Бэргэн.

Эркин же после войны настолько хорошо овладел русской речью, что даже стал учителем этого языка, преподавая его детям в школе. Наверное, первым шагом к этой профессии стала печать на начальной странице книги,

которая была с ним повсюду. На штампе значилось: “Библиотека Новгородского Государственного учительского института”.

Прошло много лет. В честь якутских стрелков на новгородской земле были поставлены памятники. На открытии одного из них были сказаны такие слова:

— Нам просто необходимо помнить об этом подвиге, о совершивших его людях, чтобы любить нашу страну, учить любить её наших детей и внуков из поколения в поколение, чтобы сохранить дружбу между народами страны, которые отстаивали нашу общую свободу и счастье.

Каждый год проводится “Лыжный десант” в честь битвы на озере Ильмень. Традиционно в День защитника Родины лыжники бегут по тем местам, по которым пришлось пройти бойцам отдельных лыжных бригад 12-го гвардейского стрелкового полка 27-й армии Северо-Западного фронта. В прошлом году приезжал поклониться праху своего деда и всем сложившим головы в той страшной ледяной битве Пётр Досифеев. Приехал он не один. С ним была вечная спутница сначала его деда, а потом и его боевого товарища Андрея Бусыгина — великая книга великого писателя великого народа. “Война и мир” возвращалась туда, откуда в августе 41-го ушла на фронт и, пройдя всю войну, победила. В книгу было вложено письмо, написанное крупным школьным почерком.

“Дорогие будущие учителя, пишет вам ваш коллега — преподаватель русского языка и литературы Бусыгин Андрей Викторович, якут по национальности. Когда вы будете держать эту книгу в руках, возможно, меня уже не будет на белом свете, ибо болен и явно слышу зов предков. Перед уходом в мир иной возвращаю вам книгу Льва Николаевича Толстого “Война и мир”, самую лучшую книгу в мире. Долгие годы она шагала со мной бок о бок. Прочитав много раз том от корки до корки, я в течение жизни открывал его наугад и читал, читал, читал. Когда я читал 33-ю страницу, ещё будучи на войне, внезапно началась бомбёжка, когда 219-ю — объявили о полёте Гагарина в космос, однажды читал на 12-й странице — объявили об открытии Храма Христа Спасителя. Эту книгу читали на ступенях рейхстага и в якутской урасе, на привале между боями и в школьном классе. Вот и сейчас, в последний раз, открою “Войну и мир” и прочту знакомые строки. Эту книгу вам доставит внук доблестно сражавшегося и погибшего на Ильменском озере якута Петра Досифеева — Пётр Досифеев. В 1941 году рядовой Досифеев нашёл её на новгородской земле, и до самой его гибели в феврале 1943 она была с ним. Отдавая перед смертью мне книгу, он под огнём пуль пожелал незатухающего огня, значит, пожелал долгой жизни. А теперь настала моя очередь пожелать незатухающего огня вам и могучему творению Льва Николаевича Толстого”.